

С М Е Н А

ЗДЕСЬ БЫЛИ НЕМЦЫ...
Кадр из фильма «Борьба за нашу Советскую Украину»

19
1943
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРАВДА“

Военная жилка

рассказ Елизаветы Цыгановой

Человек может овладеть любой профессией, если у него есть к ней стремление. Ну или жила, пульсирующая, полнокровная, тогда легко преодолеваются любые трудности. Как и во всех прочих делах, это важно в военном деле. Быть может, даже важнее, чем в любом другом. Военная жилка — это значит собранность, сила, целеустремленность и любовь к военному делу.

В 28-м ремесленном училище энергетиков, награжденном недавно орденом Трудового красного знамени, отборили испещренными дотом 29 ребят, проявивших себя яркими ребятами военного дела. Среди них оказалось 6 девочек. В военном лагере, под Москвой, эти ребята проработали полтора месяца и получили основы знаний, к которым они тяготели. Они научились обращаться с ручными и стеновыми пулеметами, с винтовкой, гранатой, противотанковым ружьем, с минометом, обучились штыковому бою, тактике.

Было очень трудно, но ребята трудились упорно, настойчиво. И вот результат: все 29 ремесленников получили звания младших командиров Осоавиахимки. В училище о них говорят с уважением.

— Эти далеко пойдут. У них военная жилка.

На снимках: сверху, слева — общий вид лагеря. Вверху, справа — лучший курсант училища Николай Куроплатов. Слева, в центре — ученица Алесия Хвосткина и Владимир Рожин на занятиях по стрельбе. Внизу, слева — ученица Ирина Кузнецова, получившая звание младшего вожатого. Внизу, справа — на занятиях по штыковому бою.

С М Е Н А

№ 19

Октябрь
1943

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

Всесоюзному Ленинскому Коммунистическому Союзу Молодёжи

Центральный Комитет ВКП(б) шлёт горячий привет Ленинскому Комсомолу в день его 25-летия.

Свой юбилей комсомол отмечает в обстановке Великой Отечественной войны против немецко-фашистских извергов, посягнувших на свободу и независимость советского народа, на счастье нашей молодёжи. Многомиллионный комсомол, советская молодёжь вместе со всем народом поднялись на защиту своей отчизны.

25 лет комсомол под руководством большевистской партии воспитывал молодёжь в духе ленинизма, в духе верности Родине и беззаветного служения своему народу. Комсомол является верным помощником и боевым резервом партии Ленина—Сталина.

В годы мирного социалистического строительства комсомольцы и комсомолки — лучшие представители советского молодого поколения прославили себя ударной работой в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте. Они были в первых рядах строителей фабрик и заводов, колхозов и совхозов, овладевали современной наукой и культурой.

В Великой Отечественной войне советская молодёжь проявила высокое сознание своего долга перед Родиной и несокрушимую волю к разгрому врага. Она явилась достойной преемницей героических традиций нашего народа, боевых традиций партии большевиков. Молодые советские

воины — лётчики, танкисты, артиллеристы, пехотинцы, бойцы всех родов войск, юные партизаны и партизанки бесстрашно бьются с подлыми захватчиками. Наши юноши и девушки, заменяя на производстве упавших на фронт отцов и старших братьев, напряжённым трудом помогают Красной Армии громить врага. Советская молодёжь успешно овладевает знаниями, техникой производства и военным делом. Комсомол горячо взялся за восстановление хозяйства и культурных учреждений в районах, освобождённых от немецких погромщиков. Молодые патриоты отдадут все свои силы защите и укреплению социалистического отечества.

Центральный Комитет ВКП(б) выражает уверенность, что Ленинский Комсомол с честью выполнит свой долг перед Родиной, будет и впредь самоотверженно бороться за полное освобождение нашей земли от захватчиков, объединять и вести за собой советскую молодёжь, воспитывать её в духе патриотизма, верности заветам Ленина, преданности большевистской партии.

Да здравствует Ленинский Комсомол!
Слава нашей советской молодёжи!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (большевиков).

17319890 ЧЕЛОВЕК ПОДПИСАЛИ ПИСЬМО СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТОВАРИЩУ И. В. СТАЛИНУ

КЛЯТВА МОЛОДЫХ

Клянёмся мы свободой
родного народа
Для фронта зесь пыл
молодой отдавать.
В глубоком забое,
и в цехе завода,
И в каждом колхозе
победу ковать.

Клянёмся священные
именами —
За Родину павших
героев своих —
Нести высоко
комсомольской знамя
И множить волине
подвиги их.

Клянёмся мы сердцем,
истинными боями,
Рукой, отведящими
в упорство груди,
Что после победы
укарем, отстроим
Сожжённые злобыми
врагом города.

Клянёмся мы ленинской
правдой иетливной,
Что, крови и жизни
своей не щадя,
Мы будем в сраженьях
верны неизменно
Завету, и слову,
и воле вождя.

Из письма комсомольцев и молодёжи Советского Союза товарищу И. В. Сталину.

Александр Прокофьев

ПЕСЕНКА О ШИНЕЛИ

Ты, шинель, моя шинель,
Серая, пыльная,
Обсылая и постель,
И подушка вечная!

В непогоду, без огня,
Где земля разрыта,
Грешь, милая, меня,
Ветерком подытай!

Я зимний холод, в летний зной,
Как подружка верная,
Ты всегда, везде со мной,
Всюду неизменная.

Вместе — в дождь и на снегу,
Вместе — под метелями,
Сколько мы смертей врагу,
Друг, с тобой отмеряли!

Сколько дней, ночей, недель
Поднято и брошено.
Не сосис, моя шинель,
Серая, хорошая!

Александр Яшин

В ГРОЗУ

Окоп. Деревья гнёт гроза.
Засыну, укроюсь,
Может статься,
Твои любимые глаза,
Твои улыбки мне приснятся.

И лоб, и нежная рука,
И волосы присветает,
— Так грозные облака
На кудри твои похожи,

Так этот дальний свет зарниц
И вспышки молнии по краю
Глубинный блеск из-под ресниц
Мы иногда напоминают.

Как в детстве, снится на войне.
Дождям и грому нет отбою,
В грозу такую я во сне
Встречаюсь с прежнею любовью.

И пробужденье хорошо:
Всё стихнет,
В кавалач засветает,
Как будто солнечный пушок
В прозрачном воздухе летает.

Кругом светло и широко...
Поднимаюсь,
Расправив плечи —
И на душе легко, легко,
И впрямь как будто после встречи.

Гвардии капитан Юрий Крюков

Я ЭТО ВИДЕЛ...

В этом селе немцы были недолго. Село лежит в стороне от большака, подласде от партизанских лесов, и немцы здесь за два с лишним года побывали всего четыре дня, когда убежали от Красной Армии.

Четыре дня они прожили в селе. У Ивана Агеевича Литвинова в избе остановились два немецких солдата. У Ивана Агеевича жена Дарья и девочка четырёх лет — Аида.

Мы постучали в избу под вечер. Наши передовые части прошли через это село сутки назад. Иван Агеевич широко распахнул дверь, а его жена тотчас же начала стелить нам на соломе дотканники по лотка и накладывать на них подушки.

Мы прошли за этот день двадцать шесть километров — постель тинула нас к себе. Но мы не первый день воевали и знали: неизвестно, что будет утром и даже ночью, и поэтому надо сейчас, до сна, обязательно поесть.

Рис. В. Горюева

Девочка продолжала кричать...

Шёл третий месяц наступления. Обозы порядком погостеали. В наших вещевых мешках были сухари, по банке консервов и у одного из нас — тибик концентрата пшеничной каши.

Лейтенант Касридзе, весёлый, красивый мингрел, носивший походную шинель с тем непринужденным изяществом, с каким кавказцы носят черкеску, подошёл к хозяйке и, поклонившись ей, сказал:

— Хозяйка, одну луковницу, очень прошу, одну единственную. Знаете, я человек гор, с Кавказа, а без лука то же, что без любимой, а мой лук лежит в мешках в «допе», что обозначает дивизионный обменный пункт, будь ему невадно. Очень прошу, с поклоном к вам одну луковницу.

Хозяйка всплеснула руками: — Боже мой, вам мы рады не только что луковницу! — она задохнулась от волнения. — Всё, что имею, наши родные, наши освободители, детки наши, всё!

Она пошла по направлению к печи, где, видимо, лежал у неё лук, но Касридзе преградила ей дорогу.

— Нет, — сказал он ей с галантной веж-

ливностью. — Я сам достану. Не трудитесь. Приставьте к нам, к столу.

Дарья, улыбаясь, подсаев к столу, а Касридзе направился к печи. И вдруг мы услышали протестный детский крик. Он был так напряжён и страшен, что мы все как один поднялись со своих мест. Странное спокойствие сохранила только Дарья. Она опустила голову — и это было всё.

— Что ты, милая девочка? — сказал Касридзе. — Разве я такой страшный? Чего ты так испугалась?

Но девочка продолжала плакать. Нет, девочка не плакала — она кричала, страшно, надрытыми. Крик этот сверяла мозг, сердцу становилось больно. Мы смотрели и не понимали, что происходит в дальнем углу, у печи.

Касридзе елолся шаг назад, растерянно поглядывал на нас, потом повернулся опять к печи и сказал:

— Пожалуйте, не надо так кричать, девочка. Хочешь я возьму тебя в Грузию? У нас апельсини, лимон... Ну, пожалуйста, не кричи.

Но захлебывающийся, звонкий крик не прерывал ни на мгновение. Девочка уже начинала хрипеть.

Тогда подошла Дарья. Она взялась руками за голову, и платок сполз. Мы увидели седые волосы этой, ещё молодой женщины.

— Не тронь её, товарищ, — сказала она тихо, а девочка продолжала кричать, — не тронь её. В нашей избе три дня были немцы. Они привтащили сюда нашу сосиску Акинью и сделали с ней всё на глазах у девочки, у моей дочери Аиды, Топери, когда кто-нибудь к ней подходит, она начинает кричать.

А девочка продолжала кричать. Касридзе опрометью бросился из избы. Он вернулся через минуту, и у него в руке была банка. Это была банка стучинного молока — единственная из неприкосновенного запаса, который хранился у нас на телеге. Тесаком вспорол он жест и, торопясь, глубоко порезал руку. Он не заметил этого. Касридзе подошёл к печи.

— Девочка! Аидочка! Вот сладкое молоко. Очень вкусное. Как мёд. Ещё вкуснее, — нежно приговаривал он.

Девочка продолжала кричать. Касридзе бросил банку на пол и подошёл к нам. Он опустился на скамейку у стола.

— Ну, хорошо, товарищи, — сказала он. — За каждую жизнь нашего солдата мы возьмём десять жизней немецких солдат. Мы можем заставить немцев отстрелить наши города и села. Но как, чем они ответят за эту девочку?

Мы сидели молча. Потом встали, попрощались с хозяйками, перешагнули через разостланные постели и пошли в ночь. Мы не хотели отходить.

Мы пошли дальше на запад, топя перся собой немцев.

Действующая армия.

САЛЮТ.

Фото-этиюд Г. Петрусова

На огневую позицию...

Фотоотд. Дя. Козлова (Волховский фронт).

Ю. Жуков, Л. Ющенко

ЗРЕЛОСТЬ ОФИЦЕРА

Плак Прошунина с боем прошёл до самого центра Велгорода и несколько часов спустя получил долгожданную дёбву. Офицеры собрались в бронированной каюте какого-то крупного немецкого командира поужинать, пообщать о том, о сём, — словом, отвести душу. Кто-то играл на пианино лирическую, берущую за душу мелодию. В соседней комнате двое офицеров скопились на шахматной доске. А здесь, в тесной компании за столом, шла оживлённая дружеская беседа. Как водится в таких случаях, офицеры делились между собой свежими впечатлениями от только что проведённого боя.

Было условлено, что каждый расскажет о самом трудном случае в своей жизни. Дочка очередь и до командира полка Прошунина. Богатырский сложенный, светлоглазый, с чёртовой пулевой шрама на лбу, он поднялся с места.

— Я расскажу вам о памятной вышней ночи 25 января. — начал он рассказ. — Дело было в селе Жабском, в тридцати километрах от Россоши. Я тогда ещё был командиром отдельного пулемётного батальона. Обстановка сложилась так, что мне пришлось принять бой с тремя немецкими полками. Батальон против трёх полков! Случай, доложу я вам, действительно не из лёгких и запомнится мне навсегда...

Вот что произошло в ночь, о которой говорю, Прошунин.

Дивизия тогда стремительно двигалась вперёд, преследуя немцев, разбитых на Среднем Дону. В селе Жабском, взятом стремительной ночной атакой, пулемётчики остановились перевести дух. Людям надо было отдохнуть хотя бы два часа, они все ною ночь шли по глубокому снегу, зурга салила им очи, затяжной, многодневный маневренный бой истощила силы. И вдруг Прошунину позвонил полковник, командир дивизии, и сказал:

— С севера на тебя идут три полка. Они пытаются пробиться из окружения. Смотри не пропусти.

Прошунин победил. Его пулемёты, бесспорно, — сильное оружие, но, три полка! Он знал уже цену этой волевой ставке бродившей по вышней степи. То были отборные немецкие части, сколоченные

главным образом из офицеров и унтер-офицеров. Сражаться с таким противником одному усталому батальону было бы дьявольски трудно.

Прошунин поднял батальон по тревоге. Борся со сном, люди молча натягивали сырые ватники, нахлобучивали шапки, брали согрешившие пулемёты и выходили в метель, в ночь и снег.

Прошунин бросил всё, что у него было, на северную окраину села. Он подумал, что бродячие немецкие полки ещё не знают о том, что в Жабском напи войска, и поэтому будут двигаться по дороге колонной. Расчёт был верен. Когда в ночной бабёсей мути замыгачили снауэты немцев, четырнадцать пулемётов одновременно открыли огонь. Вой начался совершенно неожиданно для немцев, и это было хорошо. Но Прошунин понимал, что этой неожиданности хватит ненадолго: опытные немецкие офицеры сумеют разобраться в обстановке. И точно: немецкие полки вскоре разворачивались в боевые порядки и начали бой по всем правилам. Одного в бою не маскировочные хаматы, вооружённые пулемётами и автоматами, они ползли к селу со всех сторон, а их пушки и миномёты стали извлекать Жабское сплошным покровом разрывов.

Пулемётчик Прошунина часто менял позицию, укрывался в домах, патроны расходовал экономно, стреляя по цели. Важно было как можно дольше тянуть время. Только бы продержаться до ярихода подкрепления.

Нелегко было идти пешком по глубокому снегу, даёк путь резервного полка, спешившего на подмогу Прошунину. Людям понимал это и не роптал, хотя им становилось уже совсем невозможно. В батальоне оставалось всего несколько пулемётов, когда в полуразбитую избу, где у радио-аппарата сидел Прошунин, вошла с улами испуганная кохозница и тихо сказала:

— Товарищ начальник, у меня поана хата немцев.

Комбат схватил свой собственный пулемёт, с которым не расставался, поднял его и выбежал на улицу. Уже светало. Прошунин увидел, что с юга в деревню проси-
ваются немцы. Упал с разбега в сугроб, поправил ленту и нажал гашетку.

Ещё одна атака была отбита. И вдруг немцы встали, подняли руки, бросали автоматы и стеной пошли к селу. Прошунин удивился: этого трудно было ожидать от такого остережённого врага. Но успех пышнаго боя. Вскочив на свою акбюэку комбатшу Ерёму, он прищипнул её и по-мчался навстречу немцам. Четыре стайковых пулемёта глядели ему вслед, готовые в любую минуту прикрыть комбата отпым. Санинструктор Катя Балаиова и повар Василий Иванович Гущин, любящими дивизии и почитатели комбата, поспевали за ним. Когда они подлетали к немцам на десятков метров, Прошунин увидел, что за цепью «славяншек» крутятся, пригнувшись, автоматчики.

— Опять на меня! — прогремел голос комбата, но в ту же секунду немецкий офицер в упор выпал из него из паравоза.

Путь ударила в голову. Прошунин сник на шев Ерёму. Впадая в беспомощное, он допко хуливался за грину коня, и тот гитаческими прыжками унёс его.

Комбат опомнился, когда маткие руки Кати уже стлгивали на его голове тугую повязку. Рана была серьёзная. Из-под тугото бинта неутихавшей струйкой текла кровь. Но Прошунин вернулся к горсточке смеха пулемётчика и продолжал командовать ими, хотя временами в его сознании наступали провалы и голос откликнулся повиниться ему. Азды, вышедшие Прошунину рядом, понимали, что каждый должен вести себя именно так, как командир. Они следили невозможное. Бойцы держались весь день, и немцам так и не удалось взять Жабское. А в семь часов вечера подошёл, наконец, наш резервный полк.

Молодые офицеры ждали, с горящими глазами слушая рассказ своего полкового командира.

Нестудно было заметить, что и здесь, в итнимом офицерском кругу, Прошунин неспроста рассказывает про бой в селе Жабском, не ради того, чтобы скоротать время, а чтобы присутствующим здесь молодые офицеры кое-чему поучились.

— Из четырнадцати пулемётов у нас тогда осталось четыре.

«ТАНЯ»

Главы из поэмы

Изда крестьянская. Окно волоково
Косится на испотанный порог.
Сухими лаками и солюю травую
Постреют стены вдоль и поперек.
Старинные и тощие иконы,
Свет поздневей лампы... Копотная игла...
Но как попал сюда плавая серусокуный,
Какая блажь сюда германца занесла!

Ито тут хозяин над родной страной?
Неужто впрямую на допрос и суд
Перед фашистского офицерию?
Сарабда русская предстала тут?
Музыка чабу от чужого дука,
Вся в ивее, ранена под окном
В душу стибласа сумрачно и глухо.
Как будто бы глядеть стыдился в дом...

Того, что близко, не страшась нимало,
Стояла Таня молча у двери,
На помощь никого она не призвала
И помощи там не ждала ничей.
Боль затеянную до крови закусила,
Вся вынесет она... сомнений нет...
Ей хватят стойкости, ей хватят силы
И восемнадцати девичьих лет...

Ушанку с головы сорвали, сиренеля,
И валенки сорвали с ног...
— Ну, кто такая, говори скорее,
На размышления секунды — срок!
— Где Сталин ваш? Где партизан станьёв?
И подила глаза, горящие огнём,
И прокричала, облаявас кровью:
— Товарищ Сталин на посту своём!

Сорвали платье, яростны и грубы,
Пилой прошлась по ней, полуногий,
Молчанием каменным замкнула Таня губы,
И тчетно офицер пинал её ногой...
День припадал к земле, металлических вихрей стая
Развзвалися до небес, как грозный смерч,
А за стеною, не переставая,
Всю ночь над девушкой глумилась смерть.

И Таня не обмолвилась ни словом.
Хлестала кровь из губ струёю снеговой,
Но мурный взор её блуждал в димину
Свинцовом.
Москвою бредил он, далекою Москвою.
Необоримая, за боевой оградой,
Столица высылка, как совесть и как честь...
— Ты, мамочка, но плачь, печальится не надо,
Пусть боль живая воплотится в мести!

Не слышно было Тәне, как со свистом
Ей в тело врывается ремень,
Над нею завяды мчались в небо льдыстом.
Снегами вывален, сияя пред нею днём,
И каждой раненою она молвила:
— Ты, мама, не грусти, ты спи! Не лей,
Ярмя позорного отрядное могила,
Всего на свете родина милая!

В окно глядят рассвет, туманный, непогожий,
Ремень фашистский свисает с вьюгой в лад.
Девичья грудь в ялках кровяной кожи,
Но губы стиснуты, не дрогнут и молчат.
— Опять ко рту приставил большевичек! —
Командует разгораченный нат...
Её упорство сломать где-то три кличка,
И всё исполнит, что ей повелат.

Огню отдаст она, душой неколебима,
Девичьих губ своих святую чистоту,
Отдаст во имя родины любимой,
И муки все ей будет вмотугу,
Но, и обуглася, пражнюю, глухую
Хранят немоту губы, как зовот,
И Таню введя, разутую, наугу,
На снег в морозом скованный рассвет.

У офицера германской армии, убитого недавно советскими бойцами под деревней Потоново, близ Смоленска, были найдены пять фотографий, на которых запечатлены минуты убийства фашистскими извергами Зои Анатольевны Космодемьянской («Таня»). Немцы её убили в полдень 29 ноября 1941 года в деревне Петрицево. Фашистский фотограф зафиксировал на плёнку все детали убийства. Вот один из этих снимков. Фашистские убийцы обелили собой подолов дева.

* * *

Простор, взметённый в снежном ургане,
Плывком платом плечи ей прикрыл...
По снегу скорбному шла, спотыкаясь, Таня,
Боль подвывая из последних сил...
К ей страдальям скверна не пристала,
Безмерной болью испепелена...
И, трижды чистая в распыле зори алой,
Семимиды ясная, по насту шла она.

На скорбный лоб её ложилась лавром светлым
Снежишка, чтоб не стать нигогда...
Не гасли завяды из неё рассветом.
Их острый блеск ломался в глыбах льда...

Шла страсотерпницей среди конвойных Тания,
И голых ног следы в базомльях пустырей
Узакочивал на снежной ткани
Мороз чужанкой твёрдую своей.

Чтобы в столетях родины пределы
Гремли именован москвички молодой,
Что муки вынести, как исполни, сумела
И воссторговать над вражеской ордой.
По склонам сазарных бугров сувайных
Алела кровь её рассветным багрянцем;
Бесчувствена к толчкам и окрикам
конвойных.

Шла Таня с гордо поднятым лицом.

Она слабела с каждою минутой,
Но губы строгого молчанья берегла,
Вот-вот, истерзанной, нагой, разутой,
Застыть ей а снеговой крутящейся пилы,
Но кой о чём оргугу, как бывало,
Должна оповестить... Вперед же, побыстрей!
И русская земля ей ноги целовала,
Попрешая муки дочери своей...

От стужы ляскают конвойные зубами,
Но Таня всё вперёд... Мороз и снег — её...
— Не лучше ль трижды гнать в глухой
могильной яме.

Чем выдать хоть словом отечество своё!
Уже и виселица перед нею —
Ждёт жертву со вчеря, и часовой там,
Столбы сосновы всё ближе и строинье,
Ступает Таня к ним по горестным снегам.

Взывает каждый шаг её прямо
К просторам, где кровится восход:
— За дочь свою не беспокойся, мамма!
За дочь свою сплююв бой, народ!
Под знаменем зари, Россия грозювая,
Не так ли славою историю твою
Писали поколения, призывая
Величие крепить, добытое в бою!

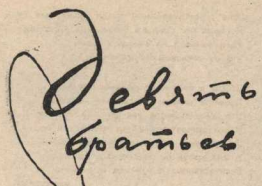
С рассветом к виселице партизанку
Приволокло фашистское зверье,
Черневшую сельчанамы полянку
Глазами обела, и у неё
Раскрылся рот для слова золотого:
— Что приунил! Бейте и мучурю!
Я смерти не страшусь! Давно я к ней готова
И с радостью за свой народ умру.

Метнулся офицер, как зверь осиренелый,
Команду отдав, проблистал клином,
Но Таня руку протянуть успела
К солдатам вражеским, сплотившимся кругом:
— Меня вы вздрёните! Об этом не жалело.
Но будет мста народная страшная...
И, прежде чем потля ей захлестнула шею,
Ещё раз руку подила она

И прокричала в утриние дали,
В туманную снегов голубизну:
— Друзья, запомните, что с нами Сталин.
Идёт он, чтобы вызволить страну!
И, утрённой зарёю вырастая,
Послала родие последние прости:
— Не позабды меня, страна мой свата,
За кровь мою, отчина, отомсти!

Перед Л. БРОДСКИИ

Рисунки В. Горнева

РОМАН
(Продолжение)

Алексеева он потерял из виду с самого начала, но нисколько не удивился этому: где же тут усадебный Ерышков, Костина и Рассохина он видел в течение нескольких первых секунд, но потом и они исчезли, заслонённые от него грузными телами немецких самолётов. Он стрелял и стрелял, выдвигая от «юнkers» к «юнкерсам», но теперь попадать стало труднее: стадо расплывалось в разные стороны, редело, «юнkers» удирали маленькими группами, поодиночке. Воздух переполненный ещё несколько мгновений назад, пустел.

Визгу, на снегу, догорал сбитый «юнkers». «Нет, не я его сбил», — думал Рабушкин. — Неужели они уйдут, а я так ничего и не сбью?»

23

Тревога охватила Рабушкина. Рассохина позволял ему вылететь, взяв с собой на такой замечательный полёт, а он ничего не слышал, ничего не бил. Он увидел на земле, на самом берегу, ещё один гордых «юнkers», и этот «юнkers» тоже был сбит, вероятно, не им. Нужно немедленно совершить что-то необычайное, нужно доказать им всем, пока не поздно.

К несчастью, Рабушкин потерял довольно много времени из-за своей нерешительности. Он погнался сначала за одним «юнкерсом», но скоро понял, что уже не догонит, бросил его, погнался за другим и тоже бросил, заметив, что тот затягивает его в гущу захваченной немцами территории. Тем временем «юнkers» окончательно разбрекся. Пол Рабушкиным была лёс, он боялся заблудиться и свернула к северу, чтобы выйти на озеро. И тут вдруг слеза от себя заметил два «юнkers», ещё не успевшие улететь.

Они ухалили на запад, в сторону Шансальбушта, держась очень близко друг к другу. Их ещё можно было догнать, и Рабушкин, круто свернув, погнался за ними. Заметив Рабушкина, они, вместо того чтобы прижаться к земле, как поступали остальные «юнkers», стремились обезопасить себя от атак снизу, стали набирать высоту. Это несколько обескуражило Рабушкина; однако он полетел выше за ними. Первую атаку совершил он сверху. Но объединённый огонь пулмётов своих «юнkersов» был так силен, что ему при-

шлось отвернуться в сторону. Тогда он попытался сделать прямой сброс: но «юнkersы» с необычайной ловкостью повернулись к нему хвостами, и они опять оказались под объединённым огнём их пулмётов и опять отвернулись.

Он понял, что навряд ли очень опытных и саставших лётчиков. Он насканивал на них справа, слева, сверху, но всякий раз «юнkersы» мгновенно перестраивались и вступали его такими дружным, умело согласованным огнём, что он отступал. Неудача подготавливала его, и он без конца возобновлял атаки.

Вертись вокруг них он внезапно оказался под огнём. С белоснежным отвращением смотрел он на их круглые аккуль животы. И вдруг к нему вернулась надежда.

Оба «юнkersа» шли рядом, очень близко друг от друга. Их можно протаранить — об один удар.

Он растегнул ремни, которыми был прикреплён к сиденью. Ощутила колюще прихватило на груди. И рукою устремила себя вверх, прямо в узкий промежуток между двумя «юнкерсами».

В последние мгновенья он закрыл глаза. Свет в ушах. Самолёт его несся на предельной скорости. Вот-вот он заденет лёсом крайлом один «юнkers», а другой, и все три машины грудой обломков рухнут на землю.

Скоро ли? Почему так тянется время? Он не вытерпеть и открыл глаза. «Юнkersы» перед ним не было. Он гагануя вывел, виз и увидел их. Оба «юнkersа» шли в прежнем направлении и только промежуток между ними став шире.

Он понял: они расступились и пропустят его.

24

Когда «юнkersы» обратились в бегство и стали ударять поодиночке, разбредаясь в разные стороны, Костин выбрал «юнkers» и пошёл за ним. Он заметил себе именно этот «юнkers», так «юнkers» летел так неуверенно и, видимо, был повреждён. Этот «юнkers» не прижимался к ассу, поодиночке другим «юнкерсам», а, напротив, старался держаться как можно выше, так как, вернее было бы, уверен, что долетит до своего аэродрома.

Костин, набирая высоту, пошёл за ним, но не прямо, а сложным, извилистым путём, чтобы не быть замечену «юнkersом», которого он следовал. Однако так долгогадаться о своих намерениях. Оглянувшись, он увидел за хвостом своего самолёта самолёт Алексеева и облововался.

Костин не очень любил Алексеева, может быть, совсем не любил его, но никогда не высказывал. Бачки, фантанство, нахромощность — всё это раздражало Костина, особенно за последние время, когда они оба стали ежедневно посещать библюотеку. Однако из чувства справедливости он позволю себе думать об этом. Он знал, что Алексеев был отличный пилот, и теперь, после того как ранил Гратёва и убил Никритина, Алексеев — один из наиболее опытных лётчиков эскадрильи. Броуированная спина кабинь выдержал, и Костин остался цел. Но самолёт его сразу заплыла.

Но прошло ещё десять секунд, и струя шуль ударяла в самолёт Костина сзади. Броуированная спина кабинь выдержал, и Костин остался цел. Но самолёт его сразу заплыла.

Всё это произошло совершенно для него неожиданно, но он нисколько не испугался. Он даже был доволен тем, что не утонул. Совершенно машинально открыл он себя от сиденья и выпрыгнул. Прыгая, он вспоминал, что находится над линией фронта. Внизу — широкий фронт, над позициями немцев. Но ветер дует с юга, а не с юго-запада, и высота была три тысячи метров.

Ветер порвонсеёт его через фронт, на нашу сторону.

Парашют раскрылся хорошо. В стороне, гораздо выше себя, Костин увидел удаляющийся силуэт «мессерингшта». Этот «мессерингшта» сбил его, подкравшись сзади. Как ему удалось сбивать Алексеева? Неужем он изъел и Алексеева и Костина?

Он гагануя ниже, на лес, полёзшийни далью, — и сердце его дрогнуло. Ветер замети тянши его. Но не на север, а на юг. Не на запад, а на восток.

Непонятно, каким образом ветер переменял направление за такой короткий срок. Но не стоило об этом размышлять. Вслен он качочет. Выход есть. Застрелится.

Странно, в это время он думал о девушке Асее. Он думал о том, остался ли Асее на командном пункте ждать их возвращения или ушла. «Наверно, ушла», — думал он. — Вот ещё. Очень ей надо тыща.

Коса нислетел был уже у него в руке, он вдруг заметил, что ветер переменялся и несёт его от немцев к немцам.

Он хорошо видел линию фронта, увидел два немецких танка, несколько батарей, которые беги огонь, выдал «ничю» немцам и наши траншеи. Он висел над немцами, но до наших траншей было не больше пятидесяти метров. Ветер тянул его к нашим траншеям. Он высунулся из кабины и загостену лёт. Здесь ветер не менялся уже до самой земли. Когда он возлочи его над логами немцев, в него стреляли с земли из винтовочных автоматов.

Он опустился в несколькох метрах позади наших траншей. Красноармеец с автоматом, угромяй, и недолетчивый, подошёл к нему, освободил от парашюта и пошёл в землянку к своему командиру.

25

На командном пункте они остались вдвоём — Асее и Асее Тарараксин. Асее нечего было здесь делать, но уйти она не могла. И потому она подошла к возвращающимся лётчикам.

Она так тихо сидела на кожаном диванчике в комнате оперативного дежурного, что Асее, видимо, даже забыла о её присутствии. Когда же она встала, чтобы захватить, поиник комната наполнилась смурком, и диванчик вместе с Асеей потонула в мраке: только Асееины глаза поблещивали.

Асее не представляла себе, что может быть на свете такая тишина. Сюда, под землю, не проникал ни один звук. Иногда тишину эту прерывал звонок телефона. Каждый из шести телефонов звонил на свой собственный или один — кричал, другой — трывищало, — и Асее мало-помалу научилась различать их по звуку. Асееа продолжила свой ружничу, хватала трубку, что-то высунувалась, что-то говорила; как Асеея ни вслушивалась, из обрывистых слог она не могла отгадать, что происходит в дальком, неизвидимом отсюда небе.

В промежутки между звонками телефонных разговоров Асееа неподвижно сидела на своём вертящемся стуле спиной к столу, положив болящие ладони к себе на колени и глядя вперед себя в сумрак; если бы разок вздремнула его ресницы, можно было бы подумать, что он мёртв. В этой тишине напряжённого ожидания терпелась Асееа ощущение времени.

Наконец, из разговоров Асееа по телефону Асееа поняла, что над аэродромом появились два самолёта и идут на посылку. — Вернулись, — сказал ей Асееа. — Кто? — спросила Асееа. — Увидим.

Вот за стальной скрипящую дверь. Кто-то вошёл, и Асееа была, как вытаращит ноги от неожиданности. Но это был не Кошкун.

Неуверенные, нетвёрдые шаги. И у входа в комнату оперативного дежурного появились Кракин и Ченешков.

Быть может, тут никого был гусский ястреб, но Асееа не могла думать, но Асееа казалась несестественно, но душа бледней.

ми. Особенно живо Чепенкова, на котором обычно была такая нежная, поджидаящая румянец.

— Цель? — спросила Лёша.

Карякин кивнул. Он стал иа с чёрной курткой голому шнми и ушёл. Но стоять на ногах ему было трудно, он качнулся и схватился руками за дверную косяк.
— Домой иди! — сказала им Лёша. Карякин покачал головой.

— Будем ждать командира, — сказала он. Он держался за косяк и пошатывался.
— Я куврылася, — говорила он улыбаясь. — Мы с ним куврылися... Всё время куврылися...

Он заметил Алёсю и улыбнулся ей ещё шире, показав все свои белые зубы.
— Мы куврылися... — пытался он ей рассказать, но не настояо слов. — Я уже думал: копеек, закувырялася сейчас со всеми... «Средь шумного бала, случайно...» Но тут пришли «онкеры», и наши на них напали, и «мессершмитты» бросили нас и повнесаи к ним, а мы ушли...

Он, видимо, хотел сказать что-то не в состоянии объяснить, что его невозможно понять, и запутывался всё больше и улыбался всё шире. Улыбаясь, сел он на диванчик рядом с Алёсю, и Чепенков сидел с ним.

Опять наступила тишина, полная ожидания.
Затем вошёл Алексеев. Он вошёл сашком твёрдым, превуселенно уверенным шагами. В дверях он остановился и, прежде чем войти, внимательно огледал всех. Алёсю он встретил здесь не ожидал. Когда он заметил её, лёгкая тень неудовольствия прошла по его лицу.

— Где Костя? — спросил его Лёша.

— Алексеев выпрямился, весь торжась от какой-то беспокойной наидности, и угрюмо посмотрел на него.

— Должно командиров, — сказала он почти грубо.

И сел на диванчик ваик, отдельно от всех, с поджиданто незвиным видом. Вероятно, Лёша был этии несколько устал. Вместо того чтобы опять проявлять неподвижноту своему ожиданию, он вытащил из кармана письмо, принесённое Алёсю, развернул и принялся читать его не без восторга. Он начал читать, чтобы показат Алексееву своё равнодушие, но с первых же строк позабыл про Алексеева.

— Она была жива! Она была в Ленинграде! — сказала он Алёсю.

Алёсю поилад, что он говорит о своей тётке.

— Я же вам говорила, — сказала она. — Она живет в больницы, — продолжала он. — Тинет, что непременно умрёт... Непременно... Прошло два месяца. Может быть, она уже умерла?

— Может быть, — согласилась Алёся просто.

— У неё осталась дочка, — сказала Лёша.
— Маленькая?

Лёша задумался.
— Ей было лет десять, когда я её видел в тридцать девятом году. Тётя просит, чтобы я позаботился о её дочке. Два месяца прошло... Где искать эту девочку?

— У вас совсем нет больше родственников? — Нет... Впрочем, есть один человек... в Ленинграде... Родной мой дядя... Я мало с ним знаком... Тётя не любила его...

— Почему?

— Не знаю. Нет, она не оставила бы ему дочку.

Он, может быть, расскажет вам что-нибудь про девочку, — сказала Алёся. — Вы бы сходили к нему.

— Я к нему не пойду.
— Отчего?

— Я с ним посорился.
— Давно?

— В конце лета. Он предложил мне гражданскую службу.

Он хотел, чтобы вы ходили в гражданской службе? — Он встретил меня и сказал, что у него всегда найдётся для меня поджак.

— Зачем вам поджак? Ведь вы военный? Не понимаю.

— Он думал, что немцы возьмут Ленинград. Он думал, что я прибуду и немцы за него поджак, чтобы передаться и спастись. Разве вы после этого пошл и к нему?

— Не пошла бы, — сказала Алёся.

Но тут завопал телефон, и пока Лёша кричал что-то в трубку, в землячку вошла Расохиа, за ним Ермаков и сидли — боком, неуверенно — Рябушкин.

При появлении Расохиа все встало. Алёся тоже встала, она изобретено поджалась обычая, которым поджались здесь все.

26

С Лёши Расохиа ещё не успело сойти огнивание боя. Маленькими острыми глазами он мгновенно окинул всех, собранных в комнате оперативного дежурного.

— Товарищ капитан, разрешите доложить, — начал Алексеев.

Но Расохиа, скользящую во им взором, смотрел на Чепенкова и Карякина.

— Живы они, комиссар, видишь, живы! — закричал он весело. — А ведь признался, комиссар, ты думал, что я пожегтвовал ими, чтобы отвелть этии проклятые «мессершмитты». Признайся, думал?

— Думал, — сказал Ермаков.

— Живёшький! — воскликнул Расохиин, схватив покрасневшего Чепенкова за плечи и вернул его перед собою как был для того, чтобы верно убедиться в его честности и неврадидности. — А я, честное слово, верил, что они выдержат и ничего им не будет... он схватил улыбающегося Карякина за плечи и трилгу его. — Патронов не хватало, а? Ничего, можно драться, оказывается, — сказл он патронов.

— Товарищ капитан, разрешите доложить, — сказал Алексеев.

Расохиин опять малаком взглянул на него, но сразу повернулся к Рябушкину.

— Я её видел, Рябушкин, — сказала он и захохотал.

Круглое лицо Рябушкина покрмалась капелями пота. Испуганно мигал, смотрел он на Расохиина.

— Ты скажи мне правду, Рябушкин, — спросил Расохиин, промалки светясь. — Ты, когда нибди их таранит, глаза ажрыт?

— Закрыл, — еле слышно прозвнёс Рябушкин.

Нет, ты поспевай, Таранаскин, что он истерил! — повернулся Расохиин и, словно говорил о чём-то чрезвычайно комичном, рассказал, как Рябушкин пытался таранить два «онкера» зарас, как они рздушиались и как он просочился между ними.

— Только позвольте мне аетать, товарищ капитан, — заплетета Рябушкин. — Это в последний раз...

Расохиин сразу перестал смеяться.

— Позвольте тебе аетать? — спросила он удивлённо. — А почему же тебе не позвольте аетать? Аетать ты умеешь. И драться ты умеешь.

И не только ни следа насмешки не было в его голосе, но, напротив, было такое явное уважение, что Рябушкин не выдержал, ушёл в соседнюю комнату, где его никто не видел, и потреснялся, сев в одиночестве на стул.

— Разрешите доложить, — в третий раз сказал Алексеев.

Теперь Расохиин посмотрел на него горладо внимательнее. И вдруг спросил: — Где Костя?

— Я как раз хотел доложить... — начал Алексеев.

Но Расохиин перебил его, глядя ему прямо в лицо: — Где Костя?

— Старый лейтенант Костя звонил по телефону, — сказала Лёша. — Его сбил над фронтом. Он спутнулся в расположение наших войск и сидит на командном пункте батареи.

— Цель? — спросил Расохиин.

— Пошлите за ним машину.

— Но разрешите... — начал Алексеев.

— После разберёмся, — сказал Расохиин.

— Но, товарищ капитан... Расохиин повернулся к нему спиной, и Алексеев замолчал с выражением оскорблённого достоинства на лице.

И вдруг Расохиин обратился к Алёсе: — Отчего вы такая маленькая? — спросил он её.

Алёся растерялась от неожиданности. — Не выросла, — сказала она.

И все кругом засмеялись.

— Вы здесь с тех пор ждёте? — спросил Расохиин.

— С тех пор.

Он ещё что-то собрался сказать, но тут завопал телефон.

— Товарищ капитан, командующий на проводе, — сказала Лёша.

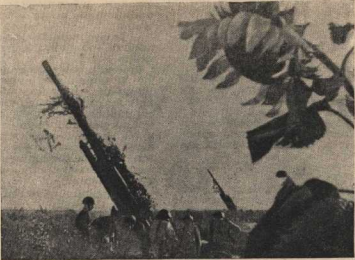
Расохиин взяв трубку.

— Товарищи, — сказал он через минуту, кончив говорить по телефону, — командующий нас поздравляет с победой. Ни одна бомба не упала на трассу.

(Продолжение следует.)

Ни одна бомба не упала на трассу.

РАССКАЗЫ КИНООПЕРАТОРОВ, СНИМАВШИХ ФИЛЬМ

1. СМЕРТЬ РУДИКА

В. Орлянкин

Украинец Григорий Рудик не достиг еще и тридцати лет, но в полку бойцы называли своего майора «отцом».

Они знали его еще по Сталинграду, и велика была их любовь к этому не понаслышке страша, волевоному командиру, по-отечески заботливому человеку, делавшему с бойцами товарищами и горевшему поражением, и торжеством побед, и последнюю корку пропавшего дымом солдатского хлеба.

Во время августовского наступления имя Рудика повторялось все чаще и чаще. Я решил познакомиться с ним. Два раза мне удавалось соединиться с майором дымом по телефону, и он весело кричал в трубку:

— Давай, давай дорогой нас, товарищ кинооператор!

Догнать Рудика было и легко и трудно. Легко, потому что всюду, где он появлялся: на заборах, на повоюках, на броненных немецких снарядах на жидком клочке отбитой у немцев украинской земли, — люди его полка оставляли гордою надписью: «Здесь прошли бойцы Рудика». Трудно, потому что Рудик дивился к Харьковому стремительно и дерзко. Все короче становилось его схватки с врагом, все яснее виделись владки крыши и разрушенные здания родного измученного города.

«Вот братская могила. Здесь расстреляны фашисты четырнадцать тысяч граждан города. Смотрите, дымят, не отворачивайтесь от страшных напущий их. Нам великое множество на Украине. Не забуйте нас, Отомстиме Германия за наши мизки!»

...Кинном стоит наша войска. По обоим сторонам кинна немцы. Я знаю, что где-то вперед, в корпусах Харьковского авиаполка, ведет бой Рудик. Вместе с бойцом, который тащит коробу с патронами, под непрерывным многоминутным обстрелом я ползу по следам Рудика. Я знаю, что должен доложить невзавра ни на что, знаю, что обязан запечатлеть на пленке образ сына украинского народа, человека, который первым ворвался в Харьков. Четыреста метров остаётся до цели, триста, двести, и вперед.

Прямо на меня вскакивает. Их несует четыре товарища. Они идут под пулями во весь рост.

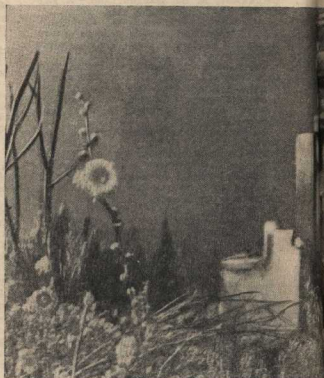
Я смотрю на немолодого, полуобнаженного тело, на темноолюсую голову, запрокинутую назад, на скважные суровой мужской скорбью лица бойцов.

Майор Рудик! Вот как нам пришлось встретиться! Это войны! Я начинаю киную автоматической кинокамерой.

Через крошь и ураган войны, сквозь пули, по трунам немецких солдат медленно и торжественно плывут звезды.

Таким образом в кинокадр майор Григорий Рудик, сын Украины, ищущий для родины, дравящийся за родину, положивший за неё свою молодую жизнь.

«Когда утихнет гром последних орудий и варошаны начнут не вернутся домой такое множество дорогих и любимых, когда женщина и, оглядываясь, не узнают ни улиц, ни сёл, ни городов их сродны — только тогда увидит человечество, какой страшен страдания, горы и безвозвратных потерь, ниоткуда его выдвигают»

2. НОЧНОЙ БОЙ

П. Касаткин

В фильме «Битва за нашу Советскую Украину» я снимал работу партизан. В темноте, как известно, кинообъектив бесцветен. Это обстоятельство для меня было настоящей бедой: ведь все интереснейшие дела в тылу врага происходят ночью. Поэтому я хочу рассказать об одном замечательном ночном бое, правда, не вошедшем в фильм, но который до глубины души потрясе и взволнует меня.

Надо было одновременно уничтожить четыре объекта.

Двакилометровый путь был про-

делан в точно обусловленный срок. Так же быстро и в прицельном разбеге прошли группы, и я отпрянул к железнодорожному пути.

Ровно в час ночи среди мест захоронения наших мизки, в небе цепью протянулись следы дымов. Враг, видимо, думая, что партизан, встретил их огнем. Мы хладнокровно немцам короткими пулями редили. Ключича проворно полетела, бустеры окурили дорожный мост. С криком «За родину, за Сталина!» ставшие объектами разрушения прервались. Они голыми остались на земле колья.

«Сталин готовил из нас строителей великой социалистической и трудовой, учеников прекрасной школы великих работ. Мы росли мужественными и добрыми от своей доброй, мягкой украинской природы. Мы были в творческой работе, и все виды необработанных земель уже начали неть несеной ищущей плодородию. Но ненадолго узыблудив нас востерия. Где вы сейчас? Сколько нас в немецкой неволе олаживает судьбу свою? Сколько погибло?»

Моя, Украина!

Они будут в сердцах советских людей кадры фильма
о нашу советскую Украину.

В небесах слово «мир» на всех языках: когда
мы люди возвратитесь на в дома, а в небе
и сабуть так вносятся тот, в кому стремительно
идуть оно вроню, в казную бездну неогрусуит
привлекательного виваиваива Гитлеру.
(из диалогического текста к фильму).

3. ПЕСНЯ

С. Семёнов

Украина — это необозримые поля,
это белые хаты и золотой колос, зре-
ющий на солнце. Украина — это лю-
бящаяся в самую душу песни, то неж-
лая и лирическая, то пылая и озорная,
под которую так и прыснет в пляс
ноги, то гордая и мужественная, на-
попная нестройной пенназию к
врату.

Много поют на фронте, но чаще все-
го я слышал там «Аню» — старинную
песню, которую сложил народ.
Я решил сыграть и сделать синхро-
нную запись песни.

..Недално стях бой. В двух окопах,
расположенных под прямым углом
друг к другу, усеяв бойцы. Я при-
местился возле отбойной топки и хоро-
шо вижу, что делается в окопах.

Один боец чистит винтовку. Другой,
подперев рукой щеку, внимательно
смотрит на замасленный клочок бу-
маги, должно быть, в десятый раз пе-
речитывает присланные из дому до-
рогие строки. А третий просто опы-
хает; он запрокинул голову и задум-
чиво смотрит на яркое солнце, на си-

Фильм создан лауреатом Сталинской
премии, заслуженным деятелем искусств
А. Довженко совместно с режиссёром
заслуженной артисткой РСФСР И. Ва-
лишиной и Я. Андеко. Музыкальный консу-
льтант — генерал-майор С. Плавнин. Си-
няли фильм 24 оператора. Диалогский
текст Александра Довженко.

↑ «Украина в огне. На широких
просторах запылали вапна города
и сёла, словно невиданные зме-
ренины, освещенные неслуху
трагедия современности. Черный
дым подвывает над вышей дельей,
и самому небу, как грозный клич
о мести...»

↑ «Не забыть ни усе не,
когда ни русские стены,
ни бесчисленных засне-
женных кладбищ своих,
ни трупов своих в Сталин-
граде. Вот они — сестры
смерти, мотыльницы Ерма-
ны, белоглазые желтые
псы, копошащиеся в бле-
вотных своих.»

держалась колонная проволока, бро-
сая на проволоку одежку, перебе-
жала через заграждения и рвалась
вперед. Четыре раза атаковали мы
мост. Он был взят штурмом, и пер-
вым обошел на него москвич Ни-
колай Плетнев.

Я выкопал не забуду его гордое
радысто боя, торжеством победы,
вадохновенное лицо.

Плетнев пал смертью храбрых.
Так же стремительно распрострился
партизаны с немцами в лесные и на
железнодорожной станции.

Все операции были закончена в те-
чение одного часа. Партизаны отго-
дили обратно в лес, и огромное за-
рево, как знамя победы, осеняло им
путь.

← «Вот живые сим-
волы народного бед-
ствия. Это не по-
хоже на действи-
тельность.
И правда. Это дитя
сёла Рудия Хоми-
ской в ните зана
тавует борону по
обделанной земле
своей.»

нее небо, на белые барашки облаков.
Его сосед вынимает из футляра баян.

В окопе дилекает.
Пальцы музыканта пробегают по
клавишам, и из лакового их привок-
новие тиво и послушно отвечает
баян.

И вот окоп заканчивает звучи. Зыб-
то всё. Только песни парит в окопе.
«Хали казани
Из Дому до дому...»

Где дохатыгивают в другом окопе.
Она зашуршит перестрелку, отдавлю
нучу казаклау там, на передокой:
«Бдем, Гали, с вами.
С нами, казакми...»

На следующий день бойцы форс-
ировали Дюен. И, как звать: может,
в момент самых яростных атак, самых
жесточких схваток с врагом в душе
каждого из них звучала родная пес-
ня. Ведь у каждого молодого бойца
своя любимая красавица «Гали».

За всё люди шли в бой. И людей
спрокоздала победа.

Полицинтая история Яна Смудека

Рисунки Н. Кузьмина.

Многие читатели видели фильм «Неуловимый Ян». Яна Ян Смудек стал легендарным в устах чешской молодежи. Ян Смудек — образ неустрашимого борца парабольничной, но не покорившейся Чехословакии. Молодые чешские патриоты вместе со старшими товарищами, рискуя жизнью, сооружают подпольные антифашистские радиопередатчики, организуют диверсии и покушения на гитлеровские палачей, создают партизанские отряды.

Ян Смудек, изображенный в фильме — собирательный образ. Авторы сценария объединили в нем черты и события нескольких чешских патриотов. История подпольно Яна Смудека, однако, не менее захватывающая и героична. О ней рассказано в вышедшей недавно в Лондоне книге «Подпольная Европа». Вот эта история.

Семь недель ушло у Яна Смудека на то, чтобы собрать и припрятать 120 фунтов динамита в таком надежном месте, откуда можно было бы в любой момент его достать. Это была почти подвиг, если учесть, что Ян никогда не имел дела с динамитом и не участвовал в подобном роде затеи. Ему было двадцать пять лет, он родился в простой крестьянской семье в Домажаницах, в Южной Чехии. Когда немцы пришли в Прагу, Ян учился в Пржемышском университете.

Никто из друзей не думал, что он может быть подпольщиком или что он способен отличить динамитную шашку от стегановой свечи. Ян был высок ростом и плотного телосложения, но не производил впечатление смельчача — эдакий неслухозудоглазый и болшперотый парень, с кривым лбом и прямым взглядом. Друзья считали его добродушным, флегматичным малым. Но зрел флегматичный малый не уступал никому в мужестве и находчивости.

Смудек стал членом подпольной организации чешских патриотов. Ему была поручена связь между Прагой и Домажаницами. В начале марта 1940 года организация готовила дисперсионный акт на военном заводе близ Пльзневца. Завод был филиалом предприятий Шкода и ежемесячно отправляла продукцию в Германию. Время отправки, разумеется, держалось в секрете, но среди рабочих завода были свои люди, которые могли узнать это с точностью до нескольких часов и заблаговременно сообщить патриотам.

Смудеку поручили извлечь динамит из «ляпки» и перенести его к месту, где намечалась операция. В качестве связного Ян регулярно ездил из Праги в Домажаницы. В одном из таких рейсов — примерно за неделю до намеченной операции — ему случилась съехать в одном купе с немецким

лётчиком. Немец, видимо, был навеселе и вскоре начал хвалить носом. Ян заметил у него повод сумку с бумагами и решил его похитить. На минуту у Яна мелькнула мысль, что офицер притворится спящим. Однако другой такой случай едва ли мог повториться. Ян решил действовать — это был последний шаг перед Домажаницами, — он осторожно взял сумку попутчика и вышел из вагона. Через минуту поезд тронулся.

Ян быстро осмотрел содержимое сумки. В ней действительно оказались важные документы, в том числе карта расположения без противоповоздушной обороны в Германии. Ян утешился: это пригодится англичанам.

Он был достаточно осторожен, чтобы не сесть на следующий поезд, и добрался до Домажаниц пешком, подсыкаясь на крестьянские телеги. Сумку Ян выбросил, а документы спрятал на трухи.

На следующий день, в десять часов утра, Смудек был в Домажаницах. Первое знакомое лицо, которое он увидел на улице, был некто Владимир Войтехак. Владимир ничем не показал, что знает Яна, но через несколько минут они встретились в задней комнате углового трактора. Владимир был выключен: сегодня утром гестапо арестовало нескольких друзей, членов подпольной организации. Про его мнение, немцы не могли знать о готовившемся покушении. Ян рассказал другу о покушении сумки, и Владимир залумался. Да, это могло быть предельный арестов. Во всяком случае, им надо быть очень осторожными. Уже то, что Ян — студент, могло послужить поводом для ареста, и это оставило бы под угрозой сам операцию.

Смудек погнался всё это. Кратчайшим путём он отправился домой. Переступив порог не раньше, чем убедился, что за ним никто не следует. Под половицей в его комнате был спрятан револьвер. Ян вынул его и положил в карман.

Весь день Смудек бродил по городу, стараясь узнать что-нибудь о своих арестованных друзьях. Никого из них не выпустили, но новых арестов не было. Значит, арестованные товарищи никого не выдают.

Поздно вечером Ян вернулся домой, опять тщательно соблюдая меры предосторожности. В доме было темно. Ян вошёл в дом. Ни звука. И всё же подсознательно он чувствовал что-то присутствия. Прежде чем войти в кухню, он вынул револьвер и положил его на полку, тянувшуюся вдоль лестницы на уровне человеческого роста. Затем он вошёл и повернул выключатель.

Его ждали два чатского. Один был в форме, другой — в штатском. Ян кивнул: не надо объяснений, он сразу понял: гестаповцы. Один из гостей направил на Смудека револьвер. Другой тщательно обыскал юношу.

«Хорошо, что револьвер и оставил на лестнице и что бумаги немецкого лётчика спрятаны в комнате», — подумал Смудек. «Вот бумага была спрятана недостаточно умело. Пока агент в штатском сторожил Яна в кухне, гестаповцы в форме начли обыскивать его и найдя бумаги. Вернувшись в дом, он стал допрашивать Яна, подкрепляя вопросы увеселити

ударями в лицо. Ян молчал. Тогда офицер спросил его, где багаж, с которым Ян приехал из Праги.

— Наверное, в магазине», — ответил Ян. Он рассчитал правильно: офицер остался в кухне, а агент в штатском пошёл Яна наверх. В темноте на лестнице Ян удалось незаметно взять револьвер, лежавший на полке, и спустить его в карман. В марше Ян указал агенту на небольшой чердачок. Агент наклонился, и Ян выхватил револьвер, собиравшись оглушить гестаповца ударом по голове. Опытный шпик сядил за Смудеком. Он увернулся от удара и выхватился за револьвер. У Яна не было выстрела. Раздался выстрел — гестаповец поворачивался с пробитой головой. Глухим эхом прокатился по дому выстрел. Ян не двинулся. Разумеется, агент внизу слышал выстрел. Он или поднимается сейчас наверх или будет ждать Яна внизу с оружием гестаповца. В первом случае у Яна были шансы выстрелить первым. Ян подо- стерегал вынужу.

Ян открыл окно. Загородные домики в Южной Чехии невзрачны. Прямжок — и Ян очутился на крыше. Несколько секунд лежал не шевелясь, потом тихо встал. Руки и ноги цыли. Он невероятно. Бесшумно, как кошка, трюкался Ян вокруг дома. Фигура гестаповца с револьвером в руке чётко вырисовывалась в оконной раме на фоне освещённой кухонной двери. Ян прицелился и выстрелил — гестаповец упал. В мгновение ока Ян очутился возле него. Немец был мёртв. Ян вынул у него из кармана бумаги лётчика, взял револьвер гестаповца и исчез в темноте. Через пять минут он появился у Владимира Войтехака и отдал ему бумаги.

— Что ты думаешь делать? — спросил его Владимир.

Фигура гестаповца с револьвером в руке вырисовывалась в оконной раме...

— Переберусь в Германию, — ответила Ян. Он перебрался и попытался, насколько мог, изменить направление. Но у него не было ни грамма ни шарика или привязной бороды, и он понимал, что не может сделать неузнаваемым.

Той же ночью гестапо арестовало восемьдесят видных граждан Домжаниц. Утром их повели на плацдарм, и заставили маршировать с армяками «Преступники». За поимку Смудека была назначена награда в сто тысяч марок. Предательское практическое правительство опубликовало заявление, касающееся Смудека.

На другой день арестовали Владимира Войтешака. Но бумаг у него не нашли: они были уже на пути в Лондон. Войтешака отвезли в Прагу, допрашивали обычными гестаповскими методами, но тоже ничего не добились. Всё же его обвинили: «Помога бегству Смудека...» Обвинение не было доказано, но Владимира Войтешака казнили 4 апреля 1940 года.

Домжаницы находятся в двух милях от германской границы. Это место лежит в густом лесу, где недалеко стечёт границу. Ян Смудек принял смелое и остроумное решение — спрятаться от немцев в Германии. Немцы будут искать его в Праге, а он будет разгуливать у них под носом.

Ян пробрался через лес и к расставу бма в баварском городке Шрейберге. Здесь он нашёл приятя у верных друзей. Он, разумеется, ещё не знал, кто друг друга Владимир арестовал утром того же дня, и стал ждать указания от организации. Прошёл день, за ним другой. К вечеру обеспокоенный Ян решил вернуться в Домжаницы. Едва он вошёл в горы, как сразу почувствовал, что-то неважное на улицах не было ни души, хотя шла только десятая час вечера. Причём в тени домов. Ян пробрался по улице. Вскоре он заметил на стене объявление и пошёл, в чём дело: это бма запрет появляться на улице после восьми часов вечера, изданный в связи с убийством агентов гестапо. «Каждый, кто немецкий шпион обнаружит на улице после объявления и пошёл, в чём дело: это бма запрет появляться на улице после восьми часов вечера, изданный в связи с убийством агентов гестапо. «Каждый, кто немецкий шпион обнаружит на улице после объявления и пошёл, в чём дело: это бма запрет появляться на улице после восьми часов вечера, изданный в связи с убийством агентов гестапо. Видя, что при таком положении нет никакой возможности связаться с друзьями, Ян вернулся в Шрейберг. Друзья опять укрепили его, и ночью он отправился в Пильзень. Там он любил некоторое время у товарищей, предполагая, что его группа во главе с Владимиром Войтешаком будет искать его там.

На этот раз счастье изменило ему. Мо-

жет быть, виной была ясная, лунная ночь, — так или иначе, на границе Смудек нарвался на двух немецких солдат.

«Стрелять или не стрелять?» — подумал он и решил не стрелять, рассчитывая, что солдаты не знают его и не станут задерживать.

Они шли по дороге, залитой лунным светом...

Но у солдат была фотография. Ян свихнулся. Солдаты взяли у него себя от радости задержав пресловутого Смудека. Захвачившись, они заговорили о ста тысячах марок, о том, как истратят эти деньги. Пометав немного, они порешали сперва отвести своего пленника в Домжаницы. Один из солдат шагнул рядом со Смудеком, другой — сзади, в десяти шагах.

Так они шли по дороге, залитой лунным светом. Несмотря на разделение их расстояние солдаты продолжали вслух разговаривать радужные планы. Ян Смудек шагнул каждый дюйм дороги. Вот сейчас они дойдут до поворота. Там рядом растут три дерева. На секунду эти деревья отдались Смудеку и шагавшего с ним рядом солдата от гестаповца, шедшего позади. Ян набросился на своего спутника, вырвал у него

оружие, прострелил ему голову и тотчас же сам упал ничком, укрывшись за дёрном. Всё это произошло так быстро, что другой солдат не успел даже поднять винтовку: он упал, сражённый пулей Смудека.

Ян знал, что трупы будут скоро обнаружены и за ним начнётся яростная погоня. Он бросился в лес и пробуждал там всю ночь. Взошло солнце, а он всё ещё кружил по лесу, возбуждённый и обессиленный. В полдень до его слуха донеслась немецкая команда: солдаты пробывали лес. Потом посылались собачьи лай. Ян склеал несколько попятков улит в сторону. Безнадёжно: он был окружён!

Ступилась сумерки. Смудек всё же решил прорваться. С максимальной осторожностью пошёл он к одному из солдат и размотал ему голову рукояткой револьвера. Поздно ночью он добрался до сторожки лесника и два дня прятался в шалаше, где его устроил лесник. Друзья, с которыми он связался через малягушана, сына лесника, предупредили Смудека, что описание его внешности помещено во всех газетах и несколько раз в день передается по радио. На третий день человек, который носил Яну пилю, привёз слухов от товарищей по организации. Тот сообщил Яну, что ему нужно немедленно покинуть страну, ибо иначе он рано или поздно будет пойман.

На следующий день Ян отправился в Прагу и прожил там три дня. С риском для жизни друзья укрывали его. Поимки в эти дни обыскала около трёхсот жилых домов, были обшраны все гостиницы. Смудек иногда выходил на улицу и встречал друзей и знакомых. Всем им было известно и удивлено его тысяч, названной за поимку Яна, но никто не подавал вида, что знает его. Ян не замечал, точно он был невидимкой.

На третью ночь Смудека переправили через границу, за пределы досягаемости гестаповцев. Вследствие того, что его бегство пока ещё нельзя. Всё, что мы можем сказать, — это то, что Ян Смудек благополучно прибыл в Лондон и сейчас служит в чехословацкой авиации в Англии.

Никто не думал, что медлительный и добродушный Ян способен действовать так решительно и находчиво.

«Да ведь он совсем ещё мальчишка!» — с удивлением и восторгом говорят о нём друзья.

П. Длингач

Отпрелез канонада —
И теперь слышать бы надо,
Но без музыки не плас.
Мы бы спели дружным хором
Да с весёлым перебором,
Как заведено у нас.

Доски к песне приволяют,
Гусья русские сквозят
Из неструнных досок,
Чтоб доска не раскололась,
Чтоб основым гусей голок
Был прозрачен и высок.

Неострунные доски
Обтесаны по-матроски,
Натянуты провода
Каждый звук предусмотрели —
И затейливые трели
Завнесли хоть куда.

Завукал свирядный ящик
Вроде гусей настоящих —
Звонок,
весело,

Слыша песню,
с новой силой
и тепло.

Вспоминаешь голос милой,
Свой очаг,
свое село.

Дружнкой песней сердце грея,
Подхватил батарея
Тихо начатый запев.

Словно река в узком русле
Дружнкой песне вторит гусля.
В них задор,
и грусть,
и гнев...

Моряки-артиллеристы
Веселы и голосисты.
Ни уныние не к лицу.
В морские жива натура
Плывуна да балагура,
Песня по сердцу бойцу!

Я. Хелемский

Сентябрьской ночью падает звезда,
В высоком небе — света борозда.
Примета есть звездам падучей свет —
Тревожный знак, безвестной смерти след.

Звезда летит. Но мы не верим ей.
Мы пережили множество смертей.
Беззвездной ночью, поосредне тым,
Друзей погибших хороним мы.

Бойцы глядят на небо и не спят,
Какой бы был над нами звездочка,
Когда припадём к звездам перечесть
Все смерти, что торопят нашу мест!

О, сколько б их низринулось в ночь
Над трупами растерянными в Керчи,
Над теми, кто растерзаны в Орле,
Над девушкой, что умерла в пелле.

А падает в сырмом океде колодина.
И падает звезда. Всего одна.
Но снайперы ведут по звездам счёт —
Лишь месь, лишь ярость душу нам печёт!

Вл. Якубович

Декабрь.

На Каспийском море бушует шторм. Темнозелёные волны с рёвом и взлом наваливаются на борта парохода и, разбившись о его могучий корпус, в бессильи откатываются назад.

Судно держит курс на юг. Баку давно остался позади. Буря понемногу стихает. В разрезах скапанных тут ветров да и проглядывает глубокое небо. К вечеру горизонт совсем проясняется. Вдали проступают неясные силуэты гор. Там Иран, страна, растущаясь от седого Каспия до жарких берегов Аравийского моря, от границ Турции до Индийского Бенгальского залива.

Утром пассажиры покидают пароход. Конюхи морские мигрируют. Стоит прекрасной, тёплой день. Капли росы сверкают на ветках деревьев. В зелёных листьях жёлтеют крупные апельсины.

Австраля вьётся по Прикаспийской низменности между залежами воды рисовыми полями, густыми садами, посевами маньки. Непонятно, зачем в такую теплую шифер требует, чтобы пассажиры пригнали шубы. Дорога поднимается в горы. Лес редкеет, затем и совсем исчезает. Крутом вздымаются суровые, мрачные, обли-

жённые скалы. Дорога ползёт всё выше и выше. Становится прохладно, а потом и вовсе холодно. Теперь понимаешь, почему неприятельность шифера: шубы приходится очень акстаи.

Вдаль начинает идти снег. Сначала в воздухе появляются редкие снежинки. С каждой минутой число их увеличивается. И вскоре настоящая метель окутывает машину.

Навстречу автомобилю идёт караван. Зарядив вьюк, зародившие снегом, стеною шагают верблюды. Глухо бряцают большие колокольчики на швах животных. Под эту монотонную музыку степи и тысячи километров отмерзают караваны через пустыни, горы и степи Ирана.

Ещё несколько часов пути среди зимнего пейзажа — и дорога петлями уходит вниз. Делается теплее. Ступившись с переезда, машина проносится мимо овечьих отар, верблюжьих стад, таяющих лошадей. То здесь, то там видны чёрные шапты иранских скотоводов-кочевников. Перед глазами простирается необозримая песчано-каменная, желто-серая равнина. Это — центральное иранское плато.

***

Сурова природа Ирана. Только узкая полоска прикаспийской низменности да редкие оазисы радуют глаз пышною растительностью, богатствами красок; большая же часть страны представляет собой сухие степи, пустыни, солончаки. Нет здесь ни быстрых рек, ни глубоких оазисов. Лишь одна река судоходна — Карун — да из озера Урмия совершают рейсы небольшие пароходы. Все остальные румы и реки, стекающие с гор, пересыхают или терпят в песках. Вода оазисов коротка: без неё нет жизни. Её берегут, как самое драгоценное сокровище. Страна испещрена сетью подземных тоннелей, по которым за десятки километров идёт от горных ручьях животворящая влага к человеческому жилью. Среди мёртвых асфоск высятся каменные строения. Это абамбары — глубокие ямы для сбора дождевой воды, прикрытые от солнечных лучей высокими стенами. Месяцами хранится в абамбарах вода, тухлая, вонючая, нередко с червями. Её пьют, ею умываются, ею поливают поля. Во многих местах Ирана она служит единственным источником жизни.

Деревянной сохой, как и тысячекратно назад, иранский крестьянин пахает землю. Вдоль шестнадцати миллионов человек живёт в Иране, из них почти двенадцать миллионов занимается земледелием. Остальное — это коваческомотоводы и городское население.

***

Когда вы впервые выезжаете в иранский город, вас поражает его какой-то страшный, неприятный вид: словно город отвернулся от вас. Выгм мусульманской семьи, скрытый от постороннего любопытного взгляда, создал тип построек, выходящих на улицу сплошной стеной. А за этой стеной зеленуют сады, полблескивают водной гладью бассейны, высоко вверх устремляются струи фонтанов.

Таком дома зажиточных иранцев-горожан. У бедняков нет ни бассейнов, ни фонтанов. Беднота ютится в узких переулках. Особенно резкий контраст с центральной частью города, обильно застроенной зданиями европейской архитектуры, представляют собой торговые улицы, в частности базар, любого иранского города, будь то Тегеран — столица Ирана — или Тавриз, или Кум. Это крытый лабиринт узких, переулочков и тупиков, живущий своей, обособленной жизнью и имеющий собственную администрацию.

У каждого ремесленного дела на базаре есть свой участок, свой квартал. Издалека по ярким знакам узнаёте вы всех кондитеров; через квартал лудильщиков и посудников трудно пройти из-за оглушающего стука молотков и звона меди; жаром шипит от квартала булочников и продавцов «лашана» (тонкие сухие лепёшки). Вокруг шум, грохот, крики, аязания. И только квартал продавцов коров полон торжественной тишины. Это нех бокалей, нех бокалей судбы.

Иранские ковры славятся во всем мире. Огромными партиями отправляются они в США, Англию и другие страны.

Недра Ирана богаты нефтью, каменным углем, железом, медью, серебром, сазитом. По добыче нефти Иран занимает четвёртое место в мире. Наиболее мощные нефтяные месторождения находятся в коюзладе страны, в области Хузистан. Они эксплуатируются Англо-иранской нефтяной компанией.

Но кроме нефти все остальные природные богатства Ирана почти

Резалихин дворца Керска

Один из двенадцати ворот Тегерана.

Так тклет иранские ковры.

не используются. Промышленность по существу, нет в Иране. Во всей стране едва ли найдется пятьсот фабрик и заводов. Зато попрежнему, как и в древние времена, на весь мир славятся неповторимые иранские мастера ковровой дела, чеканщики по золоту и серебру, стекловуды сней кульской посуды.

Через весь Иран, от Каспийского моря до Персидского залива, проходит Трансиранская железная дорога. Она идет по четырем тысячам мостов, сквозь двести тоннелей, через ущелья и скалы, пещера и долины. Дорога вступила в строй только в 1933 году. До того в Иране была лишь одна небольшая железная дорога, построенная еще в 1916 году русскими инженерами.

***

В годы первой мировой войны Иран (Персия) представлял собой слабую, полуколониальную страну. После Великой Октябрьской революции в России советское правительство добровольно отменило все кабальные договоры и соглашения, которые носились навязало иранскому народу царское правительство. Мало того: Советские России передали Ирану порт Энзели, банк и ряд других предприятий и учреждений, принадлежавших царскому правительству. До сего времени Советский Союз не переставал Ирану строить хозяйство, бороться с земледельцами и вредителями сельского хозяйства.

Иран давно уже привлекает внимание царя германских фашистов. Власть Ирана в важнейших нефтяных районах СССР и в Индии, огромные запасы стратегического сырья, которыми владеет Иран, были для немцев интересней. Гитлеровцы задались целью прибрать Иран к своим рукам, чтобы использовать его в качестве стратегического сырья и как плацдарм для нападения на СССР. Чтобы осуществить это, немцы вы перед тем не оставались, не брезговали никакими средствами. Они создавали в Иране шпионские и диверсионные группы, пробрались в государственный аппарат, регулярно вели профинансированную радио-передачу, вводили страну фашистской литературой,— словом, делали всё возможное, чтобы навязать Ирану на его великого северного соседа—Советский Союз. Германские агенты, шпионы и диверсанты, селились вблизи советских границ под видом торговцев, инженеров, рабочих, туристов. Прикрываясь высшей представительств германских промышленных фирм, фашисты занимались организацией вооруженных банд, предвзятых для переброски в Баку и Советский Туркестан. В северных провинциях Ирана немцы организовали десятки складов оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

«Бурная» деятельность фашистского шпионажа, была возможна только потому, что им являло правительство бывшего шаха Ирана и его правительство. Отодвинувшись в Иран считался конституционной монархией, в действительности же это была ничем не прикрытая диктатура. Верховная власть принадлежала шахскому царю (шаху царю) Реза Шах Пехлеви.

Трудно представить, сколько горя и несчастья принёс иранско-

му народу этот «царь царей». Громадные налоги, поборы, сборы на подарки и подношения различным иранцам. Страшный террор сжигал страну. Демократические элементы подавлялись неслыханными репрессиями. За счёт казны, за счёт народа Реза-шах накопил огромные богатства, которые припрятал в зарубежных банках. Такова малоприятельная личность бывшего иранского диктатора, под сенью которого гитлеровцы беззастенчиво развернули свою подлую деятельность.

Правительство СССР и Великобритания в 1941 году обратились к правительству Ирана с предупреждением о том, что преступная деятельность гитлеровской агентуры представляет серьёзную угрозу как для СССР, так и для самого Ирана. Демократические державы требовали немедленной высылки германских агентов из Ирана. Однако продолжалось иранское правительство оставалось глухо к предупреждениям.

Чтобы предотвратить опасность, угрожающую СССР и его Британскому союзннику, Советский Союз 25 августа 1941 года волею предельно иранскому правительству советскому высылке из Ирана войск в Иран. Одновременно на иранскую территорию вступили английские войска.

Таким образом, замыслы германского фашизма были сорваны, Реза-шах отрёкся от престола и покинул пределы Ирана. На шахский престол вступил Мохаммед Реза Пехлеви.

Новое правительство Ирана, выходя на волю народа, взяло курс на тесное сближение со странами антигитлеровской коалиции. Против фашистской агентуры были приняты энергичные меры. Правительство выслало миссии государств, враждебных СССР и Великобритании, интернировало членов фашистских колоний, прекратило содействие в провоз товаров и военного снаряжения в СССР через территорию Ирана. 29 января 1942 года был подписан договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. Этот акт ещё больше укрепил старые узлы дружбы между народами Ирана и Советского Союза.

Выход Ирана из сферы немецкого влияния спугнул карты германского империализма. Изысканные немцами зарывали гитлеровской Германии никак не хотели припрятаться с потерей такого лакомого кусочка и принимали отчаянные меры к тому, чтобы любой ценой оторвать Иран от его великого союзника. В ход был пущен весь империалистический арсенал ценом немецких коварных методов: подкуп, поборы, угрозы, обман. Из Германии двинулись в Ближний Восток под разными личинами полные влочки шпионы и диверсанты. В выборе средств Германия не отступила. В стане правительств некоторых колючих племен появились подпольные, чуждые личности, готовившие с явной целью диверсион и шедо развращающие наравно и малую крупную сумму денег. Но народ наш стоял и слагали Иранские патриоты подпольно-неизвестной националистической, образлившие вооруженных парашютистов. Они окружали офицеров германских вооруженных сил,

Улицы в европейской части Тегерана.

Советский фильм в тегеранском кинотеатре.

Таким путём Германия рассчитывала вызвать смуту в стране и поставить у кормила правления Ирана своих lackmoms. Надежды гитлеровцев не оправдались. Германия добилась оборотного. Польные действия фашистов вызвали всеобщий гнев и негодование. Нет в Иране ивент более ненавистного чем немец. Долготерпение иранского народа истощилось. Возмущённый немецкими проважаниями, Иран вынужден был отказаться от нейтралитета. 9 сентября 1943 года иранское правительство, одобряя поддержку всем народам, объявило Германию войну. Иран присоединился к декларации Объединённых наций, подписанной 1 января 1942 года.

***

Этой объёмлет пустыни центрального плато Ирана. Вдоль облака пыли, метит колонны грузовых машин. Растянулись на километры, идут караваны верблюдов, дробно сменяют вогити осли с тонкими повозками. Рядом с караван-сараями вознаис безлюдные колонны. Чакарады—попосичные верблюдов—поют всё боевые вестные песни: легче стало жить, и зарплата увеличивается, потому что теперь наша принадлежат вольт караваны. Иран начинает просматривать от веховой сыпачи. Современная жизнь бурным потоком врывается в ташину этой огромной страны.

М. Меркванов

ЦЕНТР НАПАДЕНИЯ

Всем спортсменам заметны дни пребывания в Москве замечательной сборной футбольной команды Басковия, только что одержавшей победы в Париже и Праге. Она выступала на наших стадионах неожиданно, ярко, свежо и показала прекрасные образцы европейской техники, в частности скользящую, агрессивную систему «куль-вэ», при которой центр и край линии нападения неуверенно рвутся вперед, постоянно создавая рискованные для противника комбинации — опасное положение на штрафной площадке и у ворот.

Зрителям и особенно любителям футбола стало очевидным тогда превосходство системы «куль-вэ» над временной нашей командой системы «елъ» в линии, когда нападением двигались вперед одновременно, передавая друг другу мяч по линии поверх поля. Это замедляло темп бега и давало легкую возможность защите противника вмешиваться в игру, разбивать комбинации.

Так и было в первых трех матчах, когда футболисты Басковии разгромили с московской командой «Локомотива» и дважды одержали сильнейшую команду страны — «Динамо».

Можно сказать, что басковские игроки показали нам превосходство «европейской» игры над игрой «азиатской».

Это угли советские футболисты. Они на ходу старались перестроиться и тогда против великих гостей выступили коллективы «Спартак», который, по существу, был сборной командой страны, то элементно измеренной игры, робкие и неуверенные пока попытки этой команды создать «куль-вэ»,

были столь восковыми для басков, что они, трижды победив, шие московских футболистов, с трудом противостояли аппарату «Спартак», заметив растерялись и провалили матч.

В этой встрече на старопе «Спартак» впервые играл в международном матче молодой футболист команды «Металлург» Григорий Федотов.

Смелые попытки поставить в ряды сильнейших русских футболистов миллионного тогда и малоизвестного игрока заводской команды были целиком оправданы. Федотов в этом матче с басковцами проявил свои огромные задатки, блеснул бегом, умением выдвигать иници, резким равном и тактической грамотностью.

Его выходом к испанскому воротам были столь опасны и создавали такие сложные ситуации, что впоследствии доселе басковским игрокам приходилось отступать к своей штрафной площадке и знаменитого хавбека Салурера, асседа иранского периода, и нападающих. Испанцы переходили в защиту. Уже реж и реже бавшиеся комбинаторы Лагора, Рейсера и Гарастера появлялись в московских ворот. Все чаще они выжили в опасном положении команды.

В перерыве между хавтеймиш в раздевалке испанских игроков впервые услышал слова их тренера и руководителя: — Дерните Федотова!

С тех пор эта формула стала обычной. «Держать» Федотова, не выпустить его на «европейский» простор футбольного поля, не дать ему никакой маневры, лишить его возможности ударить в ворота —

это сложная и ответственная задача всех защитников, играющих против команды, цель которой оспаривает этот великолепный футболист экстра-класса.

Григорий Федотов своим блестящими программами в тылу защиты противника вынуждал игроков зрители Нишцы, Парижа, Антверпена, Тбилиси, Софии, Кривы и своих земляков — москвичей.

— Федотов пошел! — слышалось в рядах зрителей.

И тогда десятки тысяч глаз обращались в сторону человека, одетого в красивую спортивную фуфайку и синие трусы, который резко, стремительно бежал с мячом в сторону заветных ворот противника.

За Федотовым обыкновенно устраивается форменная погоня. Опасность для противника столь велика, что к нему «со всех ног» бросаются беги и хавбеки, а вратарь, знающий силу футаговского «пушечного» удара, востроженно следит за каждым движением его и не ищет не вырваться.

«Выпустите» Федотова за линию обороны защиты, не удерживать его, не помешать ему — значит получить мяч в сетку. Удар Федотова точен и меток.

Теперь уже система «куль-вэ», завезенная к нам басковцами, против укоренилась в футбольных коллективах нашей страны и безусловно повлекла класс игры.

У нас тоже появились прекрасные форварды, которые не хуже турка Вахама могут рваться вперед с мячом, не хуже басковца Ланора бить по воротам и не хуже англичанина Дрейка создавать комбинации на штрафной

площадке противника. И лучшим из этих прекрасных форвардов, безусловно, является центр нападения команды Центрального Дивизиона Красной Армии лейтенант Григорий Федотов.

Он сумел сочетать в своей игре стремительность, возмозность, великолепную технику обращения с мячом и на земле и в воздухе и, наконец, сильный удар с любого положения.

Временами кажется, что футбольный мяч, постоянно скачущий перед ногами, каким-то магнитом удерживается Федотовым и очень скоро укажет от него на тот или именно направления, которое точно определается ногой мастера.

Лейтенант Григорий Федотов, признанный еще до войны в рядах Красной Армии, уже несколько лет защищает цвета своего клуба — ЦДКА. Он воспитал многих футболистов, которые удачно появились на поле и играли и являются его помощниками. Можно смело сказать, что приход Федотова в футбольную команду ЦДКА выдвинул ее в ряды лучших команд страны, дал возможность в нынешнем году победить также сильные клубы, как «Динамо», «Спартак», «Торпедо», «Зенит» и выиграть почетное первенство Москвы. Ворота в атаках Федотова на футбольных коллективах ЦДКА, я не случайно назвал, что мастера «перенял» вывел его игроки. Они именно переняли от него, а не подражали ему, ибо подражать ему невозможно. Федотов не имеет точно выработанной системы игры. Он футбол воспринимает спонтанно, а каждый раз по-особому, в зависимости от противника, от манеры его игры, от все время меняющейся ситуации. Он, центр нападения, постоянно может оказаться на самом краю поля и там адрольно атаковать противника. Он может оказаться в месте хавбека и инициать, может продолжить короткую, четкую передачу или длинную, продольную пас, может «подлезать» на свои нервы или наоборот, а шульную минуточку оказаться в самом выгодном положении для приёма мяча.

Федотов, обладатель высокой техники футбола, не боится инициативные изменения в игре своих противников. Он сам вынуждает наиболее невыгодную для них манеру борьбы, вынуждает зрительную защиту, образуя удачные места для «старана», быстро меняет место и вновь «пинает» хавбеков и хавбеков, переводит борьбу в адроль, где получается самым превосходным умением инициативной.

Постоянное творческое восприятие футбола делает Федотова непродвинутой и загадочным. Поэтому он так опасен для любой защиты, для любых вратарей.

Долго могут хавбеки «опекать» неуловимого форварда, но в первом матче, за минуту он обязательно увидит от своих «опекников», обязательно обманет их, проорвет, обыграет — и тогда: Федотов забивает мяч.

Зрители превращают его, стадион гудит, а он расслабленной, кажется, даже легкой походкой возвращается к центру поля, чтобы снова атаковать и вновь броситься на мяч и вновь ахнуть в борбуну...

Профессор И. Завич

«ЗАТЕМНЕНИЕ В ГРЕТЛИ»

работы Вилькинсон и его женой эмигрировали в полицию Хельм и другие. Все они обрисованы талантливым писателем с большим знанием дела.

Гретсли и на этот раз, как в пьесе «Опасный поворот», которая с большим успехом шла у нас на сцене, показывает себя мастеров в области изобразительного искусства.

С неодолимым интересом следит читатель за тем, как шайка гитлеровцев ведет свою преступную работу и как Нейланд постепенно собирает в свои рухляки сеть преступной деятельности. Без всякого нажима Пристли вымывает правдивое представление о полной беззащитности гитлеровских агентов в средствах.

В своей романе Пристли выступает против самоусовершенствования, всё ещё существующих «средств» англичанам и всем каскигам на Уэльсе и прочим предателям, о которых мы читали в первую и во вторую мировую войны. Пристли не раз возвращается к мысли о том, что в Англии, на внутреннем фронте, идет война. Враги англичанского народа на внутреннем фронте — больше и меньше — интеллигент — отнять не разоружились, и было бы напрасно рассчитывать на их разоружение без борьбы.

Другая мысль Пристли, тесно связанная с первой, заключается в том, что в нынешней войне внутренние враги располагают силой и рядом важных общественно-политических положений: они спекулируют на британской традиции уважения к

власть имущим. Полковник Тарлингтон — враг британского народа — опасен, между прочим, не только и не столько потому, что ему доступны многие секретные материалы в силу занимаемого им общественного положения, но и потому, что старая школа английских офицеров привыкла по отношению к нему рабским поведением.

Талантливый писатель решительно разоблачает английских канцеляристов: он срывает с них маску патриотов и показывает, как буржуазная смесь и аристократическая суровость человека делают их врагами своей страны.

Устами своего героя Нейланда Пристли обращается к таким, как Тарлингтон:

«Итак недостаток Тарлингтон, — это смель. Вы всегда помните, что вы — привилегированный особа, ничего общего не имеющая с черпью. Вы ненавидите демократию и всё, что с нею связано. Ваше упорство, дерзкое высокомерие, любовь к власти и самоменю мешают вам примириться с нею. Когда Гесс прилетел в Англию, он рассчитывал на таких людей, как вы».

Для победы, победы в войне и победы в мире, по словам Пристли, необходимо решительно ввязаться в штурм около пятидесяти тысяч важных, самодеятельных и активных деятелей войны и завергнуть их рот, помешать им привносить вред или отнять их на какулюцию тяжёлой работы».

Советский читатель знает Пристли по его ярким и замечательным пьесам, которые с успехом шли в советских театрах. Воздушная общественность с интересом следит за деятельностью и завергнутый, зарекомендовавший себя другом Советского Союза. В его лице мы видим представителя нового поколения прогрессивных интеллигентов Англии, воспринявшего добрых традиций Советской Уэльсе и Шоу. Подобно им Пристли стремится сочетать веру в народные массы с критикой, а подчас и сражением по отношению к тем, кто хочет оставить себя выше народа.

Редация журнала «Новый мир» рада советскому читателю в первую очередь романы популярного английского писателя Джона Пристли (№№ 5—6 и 7—8 за 1943 год). Этот роман представляет собой бесспорно значительное литературное явление.

Автор сопроводил заглавие романа подзаголовком «Рассказ о военном времени и духе военного времени». Подзаголовок соответствует содержанию вещи, которая написана в форме детектива и читается от начала до конца с несоборным интересом.

Герой романа — гражданский инженер Гемфри Нейланд. Ему около три года; англичанин по происхождению, он жил с детства в Канаде. Во время войны он работает в коттрэвеле с целью борьбы с немецким шпионажем.

Читатели хорошо знакомы обычным типом такого героя на детективном романе; его прообразом является знаменитый Шерлок Холмс. Самые разнообразные знания в области детектива; несколько характерных причуд; заведное физическое здоровье и ещё более заведное умение не теряться ни при каких обстоятельствах; мало того, автор неизменно приходит к выводу герою; наконец, загадочный гибельный случай и напоследок событие, которое по своему характеру — вот непрерывный детективный рекавит такого героя. Гемфри Нейланд не ни не профессионал и на работе в коттрэвеле оказался по идейным мотивам: его друзья были убиты гитлеровцами. Это вышло в нём, человеке, далеко от политики, протест против гитлеризма.

В качестве сотрудника коттрэвеля Нейланд сталкивается не только с германским шпионажем в родной стране, но и с их приспешниками — английскими каскигами (предателями). В качестве такого предателя — интеллигента — в романе выведан полковник Тарлингтон. Это директор большого военного завода, лидер консервативно настроенных деловых людей в нем, большим промышленником, участником прошлой войны. Тарлингтон ведёт в небольшом городе

Гретсли — в сердце промышленной Англии — борьбу против коммунистов, преследует немецких политэмигрантов, бежавших из гитлеровской Германии, и всё это под флагом британского «патриотизма» и «защиты национальных учреждений». Но на самом деле полковник Тарлингтон — хорошо замаскировавшийся немецкий шпион. Он скрывает себя в доме гитлеровского агента — шпона Феликса Роделя, — под именем Монга Мориса, который служит у него шофером. Через Тарлингтона и Роделя в Германию передаются шпионские сведения о продукции британских военных заводов. Гемфри Нейланд получает поручение — установить источник, по которому передаются шпионские сведения. Таким образом, Гемфри Нейланд оказывается разоблачителем Тарлингтона.

Выполняя это поручение, Нейланд встречается в Гретсли со многими интересными людьми. Под покровом военного затемнения проливает жизнь дамы из местного «суда» в ночном клубе «Лампа тифа» с ними встречаются офицеры Британского воздушного флота, идущие отсюда и забвения от фронта. Этим пользуется немецкая разведка, которая овладевает у них военные тайны. Она работает с помощью преступных подхвизцев, вроде бармена Джо.

Этим проходящим и их покровителям противопоставлены люди из народа: заводской мастер Оуэн, развлекающий подобно Нейланду по заданиям коттрэвеля и оверки убитый Тарлингтоном,

в мире. Несмотря на военную обстановку шахматы попрежнему популярны во всех слоях населения. Боицы и командиры героической Красной Армии, моряки, летчики, пехотинцы очень любят шахматы. И нередко, когда несколько командиров гном орудий передовых блиндажей боицы и командиры вместе с коробочкой махорки достают из карманов походные шахматы.

Во время войны, конечно, организовать крупных международных турниров. Но в Советском Союзе за период войны состоялся целый ряд турниров с интересным составом игроков. Самым замечательным из них был шахматный чемпионат Москвы в 1941 году, во время генерального наступления немцев в полном спокойствия и уверенности за судьбу столицы прозвучал свой очередной чемпионат в Коломенском районе Дома Советов.

Мне часто задают вопрос: что делается в шахматном лагере фашистской Германии? Гитлеровцы — душители мировой культуры, —

конечно, не оставили вниманием и шахматное искусство. Шахматные мастера — антифашисты — подвергались чудовищному преследованию и насилью. С возмущением и гневом узнал шахматный мир о том, что немецкие мастера Каспар и Траутсманн из ведущих шахматных мастеров — Карла Трейбля, участника многих международных турниров. Трейбля, исключительно честного и культурного человека, ценя и любя шахматы, кто его знал. В Польше гитлеровские изверги замучили до смерти известного всему миру шахматного композитора мастера Д. Пшепорка. Во Франции в немецком концлагере томился знаменитый гроссмейстер доктор О. Беринштейн.

Советские шахматисты стоят в первых рядах защитников мировой цивилизации. С чувством глубокой радости я начинаю видеть шахматный отряд в молодёжном журнале «Смена». В прошлом году я был принят в советское гражданство, и теперь я горд тем, что имею возможность весь свой отряд, накопленный в международных турнирах, передать самой достойной семье — советской шахматной молодёжи.

Сало Флор

Со следующей номере «Смена» начнется регулярное печатание шахматных отбел по редакции гроссмейстера Сало Флора. В отбел будут помещены наиболее интересные партии турниров, задачи и этюды, статьи и обзор шахматной жизни в СССР и за рубежом.

Гроссмейстер Сало Флор.

К ЧИТАТЕЛЮ «СМЕНЫ»

Шахматная игра — одна из важнейших факторов воспитания молодёжи. В шахматном искусстве Советского Союза достигнуты блестящих международных успехов и, без всякого сомнения, является первой шахматной страной

НОВАЯ ПЕСНЯ НАД РЕКОЙ ДНЕПРОМ

Текст М. Леашева

Муз. М. Ковал.

«Белая Пугачёв». Это произведение большого театрального и высшего композиторского мастерства удостоено Сталинской премии. Из крупных произведений композитора хоромна известна радиотелетелесная легкая опера «Вояк и его село».

Несмотря на свою молодость (ему 36 лет), композитор Мария Коваль является собою яркое явление в ряду крупнейших советских композиторов. Тогда к музыке она обратилась в пятнадцать лет, а в семнадцать лет, в 1925 году, она училась в Ленинградском музыкальном техникуме. С 1926 года она продолжает свои занятия в Московской консерватории, сначала по классу фортепиано у Гусевой, затем по классу композиции с крупнейшим советским композитором-симфонистом Н. Мясковским. К этому же времени относятся первые самостоятельные произведения Марии Коваль.

В настоящее время композитор работает над рядом новых песен на тексты советских поэтов. Его новой большой работой является опера «Маяковская», которую он пишет сейчас по заказу Ленинградского Большого академического театра.

Он печатает новую песню Марии Коваль «Над рекой Днепром», посвященную на конкурс великой комсомольской песни, посвященный 25-летию ленинского комсомола.

Лауреат Сталинской премии композитор Мария Коваль.

Композитор Мария Викторовна Коваль хорошо известна советским любителям музыки. Его романы на слова Некрасова, Пушкина, а также его песни на слова советских поэтов широко вошли в репертуар радиовещания, широко исполняются различными ансамблями и солистами. Особенно известна симфоническая оратория Марии Коваль

НАД РЕКОЙ ДНЕПРОМ

Над рекой Днепром, под орешником,
Невысокий холм пригорюнился,
А на том холме заросла травой
Вся протаяв кашка зима.

Богатырь провёл здесь неравный бой:
Он три танка сбил бронейбойным,
Под четырьмя танками раненый
Сам с гранатами гордо рухнул.

Над могилкой, под орешником,
Наклонился друг, друг испытанный,
И шепчет он зыбко русскую
И стон, молчит, призвавшийся:

«Ты вставай, вставай, богатырь родной!
Слыши, поляны мнут наши русские,
Самолёты мчат краснеядымы,
И сурав гремит над долиною!»

М. Леашев

КРОССВОРД

Составил А. С. Шалымович.

По горизонтали: 1. Птица. 2. Огневино-лидная масса внутри земки. 7. Народный грузинский герой. 10. Река в Средней Азии. 11. Оригинальная математика. 12. Подземелье. 13. Часть судна. 14. Животное животное. 18. Порода выдра. 16. Волшебная. 17. Святильный камень в древнем Риме. 20. Форма для лепки. 23. Пещера в древнем городе. 26. Основание водородной единицы. 27. Река в Индии. 29. Отвечать погружению судна в воду. 32. Совершенное сооружение. 34. Орудие в воздухоплавательном состоянии. 38. Латинское слово, обозначающее расстояние. 39. Командир при стрельбе. 41. Имя сына Тараса Бульбы. 42. Погорный город в Рыжском уезде. 43. Советский писатель. 44. Река в СССР. 45. Число. 48. Состояние холма. 53. Птица. 55. Восточный тон в дальневосточной гамме. 56. Состояние холма. 58. Птица. 59. Учение александрийцев. 60. Птица. 61. Птица. 62. Птица. 63. Птица. 64. Птица. 65. Птица. 66. Птица. 67. Птица. 68. Птица. 69. Птица. 70. Птица. 71. Птица. 72. Птица. 73. Птица. 74. Птица. 75. Птица. 76. Птица. 77. Птица. 78. Птица. 79. Птица. 80. Птица. 81. Птица. 82. Птица. 83. Птица. 84. Птица. 85. Птица. 86. Птица. 87. Птица. 88. Птица. 89. Птица. 90. Птица. 91. Птица. 92. Птица. 93. Птица. 94. Птица. 95. Птица. 96. Птица. 97. Птица. 98. Птица. 99. Птица. 100. Птица.

По вертикали: 1. Птица. 2. Лесная дорожка. 3. Тростниковое растение. 4. Мельничная мера длины. 5. Кузнечный инвентарь. 6. Качели или чин в старой Азии. 7. Птица. 8. Основание глыбы известняка. 9. Птица. 10. Птица. 11. Птица. 12. Птица. 13. Птица. 14. Птица. 15. Птица. 16. Птица. 17. Птица. 18. Птица. 19. Птица. 20. Птица. 21. Птица. 22. Птица. 23. Птица. 24. Птица. 25. Птица. 26. Птица. 27. Птица. 28. Птица. 29. Птица. 30. Птица. 31. Птица. 32. Птица. 33. Птица. 34. Птица. 35. Птица. 36. Птица. 37. Птица. 38. Птица. 39. Птица. 40. Птица. 41. Птица. 42. Птица. 43. Птица. 44. Птица. 45. Птица. 46. Птица. 47. Птица. 48. Птица. 49. Птица. 50. Птица. 51. Птица. 52. Птица. 53. Птица. 54. Птица. 55. Птица. 56. Птица. 57. Птица. 58. Птица. 59. Птица. 60. Птица. 61. Птица. 62. Птица. 63. Птица. 64. Птица. 65. Птица. 66. Птица. 67. Птица. 68. Птица. 69. Птица. 70. Птица. 71. Птица. 72. Птица. 73. Птица. 74. Птица. 75. Птица. 76. Птица. 77. Птица. 78. Птица. 79. Птица. 80. Птица. 81. Птица. 82. Птица. 83. Птица. 84. Птица. 85. Птица. 86. Птица. 87. Птица. 88. Птица. 89. Птица. 90. Птица. 91. Птица. 92. Птица. 93. Птица. 94. Птица. 95. Птица. 96. Птица. 97. Птица. 98. Птица. 99. Птица. 100. Птица.

В НОМЕРЕ:

Ю. КРИПОН. И это вышло...
Ю. ЗУКОВ. Д. ВЕНКЕ.
Ю. ЗУКОВ. Д. ВЕНКЕ.
М. ЧУЛОВСКИЙ. Десять
Фрагментов.
Степан Д. ДЛИГАЧА. Пере-
дачу МАРИИ А. ПИРО-
КОВИЧЕВ, Д. ХЕЛМ-
СКОГО А. АШИНА.
Подготовка текста Илл.
Смулова.
Вл. ИВАНОВИЧ. Иран.
М. МЕРЖАНОВ. Центр на-
задней.
Рассказы кинооператоров,
снимавших фильм «Бит-
ва на нашу Советскую
Украину».
Новая песня М. КОВАЛИ.
На обложке: Кадры из филь-
ма «Битва на нашу Со-
ветскую Украину».

М. Булатов

Среди героев-моряков, участников обороны Севастополя в 1854 году, особой славой пользовался матрос тридцатого флотского экипажа Пётр Кошка. Он отличался выдающейся храбростью и участвовал почти во всех вылазках, возвращаясь каждый раз с захваченным оружием или с ценными сведениями о неприятеле. В одной вылазке Кошка был ранен штыком в грудь, но это не могло удержать его от дальнейших подвигов. О Кошке говорили по всей России, его смелые поступки были описаны во всех тогдашних газетах. На памятнике адмиралу Корнилову в Севастополе Пётр Кошка изображён выбрасывающим упавшую в окоп бомбу. Славный матрос-севастополец умер в 80-х годах.

ЗА ЧЕШЬ МЕРТВОГО ТОВАРИЩА

В одной вылазке был убит наш солдат-сапёр. При отступлении товарищи не успели взять его тело с собой. На другой день с бастиона увидели, что труп сапёра был выт понос в землю неподалеку от неприятельской траншеи, представляя как бы цель для наших выстрелов.

Это поругание над трупом товарища возбудило всеобщее негодование, и удалой Кошка вызвал

РАССКАЗЫ О МАТРОСЕ КОШКЕ

Рис. Н. Кузьмина

ся вырыть и принести тело убитого солдата. Получив на то дозволение, Кошка перебрался и со словами «Господи, благослови!» отправился на свой опасный подвиг.

Сначала он прокрадывался между камнями и бугорками, не замечаясь неприятелю, а потом, когда дошёл уже до открытой местности, смело встал и на виду у взбудничных неприятелей начал выкапывать труп. По хварапу открыла палубу, но Кошка продолжала неутомимо работать, не обращая внимания на выстрелы.

Вырыл труп убитого товарища, Кошка снял с себя понос, привязал его одним концом к трупу, а другим к своей ноге и пополз, таща за собой мертвеца.

Неприятель продолжал стрелять, но Кошка остался цел и невредим и благополучно добрался с дорогим своим грузом до наших батарей. В труп, принесённый им, попало пять неприятельских пуль.

ШУТКА МАТРОСА

Как-то Кошка по обыкновенно незаметно дополз до вражеского укрепления, взобрался на вал и убил ножом часового, охранявшего пушку. Он уже пополз к своим, как вдруг наткнулся на барабан и вздумал подшутить над неприятелем. Взял он барабан, подошёл к самому краю укрепления и забил трюмугу. Враги аспошояались, а Кошка кувмирнулся в ров, да и был таков.

ТРОФЕИ

Однажды Кошка вышел из секрета и подкрался к неприятельской траншее на Зелёной Горке. Висереди лежал огромный камень, а за ним была вырыта яма. Кошка пополз и заглянул: в яме четыре неприятельских солдата варили говядину. Кошка сидел, да как крикнет:

— Ребята, ура!
Неприятельские солдаты выскочили и бросились к траншее, оставя три штуцера, манерку с ромом, два котелка с говядиной — один с сырой, другой с варёной — и галеты. Кошка взял штуцера, манерку с ромом и галеты, а говядину из котелков выбросил и возвратился к своим.

Таков был герой Севастополя матрос Пётр Кошка.

П Я Т Н А Н А С О Л Н Ц Е

Ник. Адуев

«Вдыхатель»

Рис. В. Горьева

Стоит он, волнуясь, робея,
И сердце трепещет в груди.
Он жаждет свиданья с неюю.
— Прийди, дорогая! Прийди!
Ты свести мне в дымке туманной,
Твой образ в душе берегу...
Ведь я без тебя, без желанной,
Ни шагу ступить не могу!
Но стой тебе повиниться —
Вскипнет комсомольская кровь,
По жилам огонь заструится,
Я стану решительным вновь,
Почую стальную отгаду
И цель забесит впереди.

Я жду! Без тебя я ни шагу.
Прийди, дорогая, прийди!

..Вот так он, застывший на месте,
Мечтает, как вылезет поэт.
К кому ж эти речи? К новости?
К жене? Или к подруге?
О, нет!
Нет, он не любовник ретивый,
Не пламенный, страстный султур.
Чего же он ждёт?

ДИРЕКТИВЫ!

Ах! Он без неё как без рук.

Цена 1 руб.

В ПИКЕ
Фотохуд. М. Редина